

- Мин ге-эр, пожалуйста, скажи мне, как ты хочешь решить этот вопрос? Хотя Даху больше нет, деревня все равно будет справедлива к тебе, пока ты не просишь слишком много, - сказал глава деревни, глядя на Тан Чунмина. Он вспомнил сцену, когда Тан Чунмин поспешно пришел к нему за помощью, сказав, что Даху никогда не возвращался так поздно, когда бы он ни уходил в горы. Он организовал группу молодых и сильных мужчин из деревни, чтобы отправиться в горы на его поиски, но они нашли только следы изодранной одежды, которая, очевидно, принадлежала Даху, пятна крови и несколько разбросанных костей. Когда они вернулись и рассказали Тан Чунмину правду, он тут же потерял сознание.

- Кроме того, здесь младший ребенок Тан Шэна, Тан Чуньжун. Ты, должно быть, приехал в деревню Пиншань, чтобы повидаться со своим братом, ты очень похож на своего отца. В будущем ты тоже сдашь экзамен и станешь таким же знаменитым, как твой отец, - заявил глава деревни, прямо раскрыв личность Тан Чуньжуна, а также сообщив семье Чжао, которая думала, что семье Тан наплевать на Мин ге-эра. В будущем, если Тан Чуньжун получит статус талантливого ученого, пострадают и семья Чжао, и деревня Пиншань.

Если сегодня он поступит несправедливо, как только новость дойдет до деревни Чжэньшань, люди не дадут ему спокойно жить. Хотя Мин ге-эр вышел замуж, в конце концов, он вырос в деревне Чжэньшань. В то же время он должен думать и о жителях своей деревни, которые выходят замуж в другие поселки. Если это распространится среди соседних деревень, на кого смогут опереться жители его деревни, если им нужно будет добиваться справедливости для своих обиженных детей в будущем? Даже будучи деревенским старостой в небольшой деревне, справляться с делами не так просто, как иметь дело с чужими языками.

Глаза Тан Чуньжуна покраснели, и он опустил племянника на землю. Он поприветствовал старейшин вокруг себя и нескольких членов клана:

- Этот студент - Тан Чуньжун. Я только вчера пришел навестить своего брата и обнаружил, что у него не было хорошей жизни в последние несколько лет. Тан Чуньжун также надеется, что глава деревни и старейшины смогут отстоять справедливость в отношении моего брата. Брат, если у тебя есть какие-то идеи, просто скажи это. Вы с зятем достаточно сделали за последние несколько лет, если здесь нет возможности выжить, брат может вернуться со мной в деревню Чжэньшань как можно скорее.

Рот Ван Ина дернулся, ох уж этот ребенок, кто позволил ему самому принять решение? Но он должен был признать, что его пасынок сегодня проделал отличную работу.

Тан Чунмин встал с колен, его глаза были красными и опухшими, видимо он перестарался с имбирным соком.

- Я никогда не возражал против того, чтобы Даху выражал свое сыновнее почтение по отношению к своей матери. Это то, что мы с Даху были обязаны сделать, - здесь не только Чжао Пинчуань был актером, он также умеет притворяться, - Просто мы с Линь-эром не хотим жить в страхе и тревоге, не в состоянии спокойно спать. Я бы хотел, чтобы глава деревни сделал нас с Линь-эром отдельным независимым домашним хозяйством, даже если это будет трудно и утомительно, нас все устроит до тех пор, пока мы сможем оставаться вместе и не

разлучаться.

- Мама, бабушка, глава деревни, пожалуйста, А-Линь не хочет оставлять маму, - Чжао Линь бросился к нему с испуганным выражением лица и крепко обнял ноги Тан Чунмина, опасаясь, что их разлучат.

Тан Чунмин быстро обнял его, чтобы утешить:

- Нет, мама защитит А-Линя, - после этого случая ему нужно успокоить своего сына, иначе этот эпизод станет тенью в его сердце.

- Независимая семья? Мин ге-эр хочет создать независимую семью? - никто не ожидал, что Тан Чунмин сделает такой выбор, даже если глава деревни думал об этом, он все равно был удивлен, когда Тан Чунмин сказал это вслух.

- Брат Мин, ты действительно хорошо подумал об этом? Создать собственное домашнее хозяйство - дело не из простых. Ты сможешь заплатить свой ежегодный налог? - отношение третьего старейшины Чжао к Тан Чунмину было очень сложным, этот вопрос уже повлиял на репутацию третьего сына Чжао. Он бы не хотел этого видеть, и он должен найти способ изменить репутацию Чжао Пинчуаня. Экзамен должен состояться во что бы то ни стало, и на него надеется вся семья Чжао. Итак, он чувствовал, что поступок Мин ге-эра был очень неуместным, он, очевидно, мог бы обсудить это наедине с деревенским старостой. Однако ему приспичило сообщить всей деревне Пиншань, что он добивается справедливости. Разве это не вынуждало их смириться с этим?

В любом случае репутация и статус ге-эра не так важны, как у мужчины. Для старшего поколения, конечно, было нормально выбирать в жертву именно ге-эра, когда это необходимо.

Этот шаг Мин ге-эра заключается в том, чтобы полностью разорвать отношения с семьей Чжао? Может ли этот слабый ге-эр действительно поддерживать хозяйство? Третий старейшина выразил свои сомнения, обычно Чжао Даху выполнял большую часть работы в полях, и теперь Тан Чунмин снова беременен, что он может сделать, чтобы прокормить себя и своего маленького ге-эра? Хочет ли он зависеть от семьи Тан?

Люди, собравшиеся вокруг, тоже говорили об этом. Сегодня смелость Тан Чунмина превзошла их прежние впечатления о нем. Однако, видя его бледное лицо и дрожащее тело, а также тощее тело бедного Чжао Линя, это действительно вызывало жалость. Возможно, семья Чжао действительно вынудила их сделать такой выбор. Учитывая их впечатление о матриархе Чжао и Ван Чуньхуа, те действительно были способны связать Мин ге-эра посреди ночи. В такой ситуации, даже если бы Брат Мин захотел что-то сделать, рис уже созрел бы*.

(ПП: Имеется в виду, что если его приведут в дом хромого, как только все узнают, его репутация уже будет запятнана, и это вынудит его остаться с хромым человеком. Так что Мин ге-эр ничего не смог бы сделать.)

За исключением небольшой группы эгоистичных и любящих скандалы людей, большинство все еще сочувствовали Тан Чунмину и ругали семью Чжао за ядовитые слова, сказанные ранее.

Некоторым было невыносимо видеть, что все встали на сторону Тан Чунмина, и им все еще хотелось посыпать рану солью. Они хотели видеть других более несчастными, чем они сами, чтобы они могли продолжать гордиться собой. Жена Ли Конггена, который раньше помогал Ван Чуньхуа, неторопливо сказал, сплевывая шелуху от семян дыни:

- Боюсь, что за последние несколько лет Даху заработал больше, чем эта сумма денег. Может, он просто хочет сохранить эти деньги и не желает делиться ими. Разве часть их не принадлежит семье Даху?

- Ба! Ты думаешь, что все такие же жадные, как и ты? Ты действительно думаешь, что все забудут о том, что ты сделал несколько лет назад? Твои родители и брат наблюдают с небес, как ты относишься к их внуку и сыну. Неужели тебе не стыдно занимать дом и поля своего племянника! - кто-то безжалостно отругал его.

- Кто тут жадный? Тогда мой старший племянник сам был готов поехать туда. Почему ты вмешиваешься в дела нашей семьи, ты действительно думаешь, что нашу семью Ли легко запугать? Мы просто охраняем дом и поля для нашего старшего племянника, так почему мы должны позволять твоей семье присматривать за ними? - жена Ли Конггена закричал на этого человека.

В этот момент подбежал запыхавшийся и вспотевший мужчина и крикнул толпе:

- Здесь семья Ли Конггена? Ваш племянник действительно вернулся с поля боя, быстро идите домой, чтобы посмотреть. Ваш племянник вернулся с поля боя живым.

- Что?! Это невозможно?! - внезапно закричал жена Ли Конггена.

- Как это возможно, разве они не говорили, что он погиб на поле боя? - были некоторые люди, которые также сомневались в этой новости. За последние годы не было никаких новостей, и все думали, что он умер.

- Ха-ха, - человек, которого только что отругал жена Ли Конггена, сразу же обрадовался, - Жена Ли Конггена, разве ты не говорил, что охранял поля для своего племянника? Племянник вернулся, так почему бы тебе не поторопиться и не вернуть ему дом и поле?

Многие люди засмеялись, когда услышали это.

Однако лицо деревенского старосты было уродливым. Это дело семьи Ли плохо повлияет на его репутацию. Глава деревни свирепо уставился на жену Ли Конггена, и тот начал паниковать. Это не может быть правдой. Как этот маленький ублюдок мог вернуться живым?

- Это, должно быть, самозванец, нет, я должен вернуться и посмотреть, - словно смазав подошвы ног маслом, он выскользнул из толпы в мгновение ока. Обычно он никогда не ходил так быстро.

Глава деревни также хотел поторопиться и посмотреть, что происходит, поэтому стоящий перед ним вопрос должен быть решен быстро:

- Брат Мин, ты уверен, что хочешь это сделать? Тебе нужно знать, что, как только ты заведешь отдельное домашнее хозяйство, ты не сможешь вернуться. Когда правительство начнет расследование, я не смогу защитить тебя.

Тан Чунмин тоже был счастлив, когда только что услышал эту новость. Жена Ли Конггена и Ван Чуньхуа всегда были в сговоре, распространяя плохие слухи о нем по всей деревне. Неприятно было даже смотреть на этого человека.

- Конечно, тогда я попрошу старосту помочь мне с документами. Я думаю, что это нормально, что этот дом и земля будут записаны на мое имя, - Тан Чунмин хотел разобраться со своей частной собственностью.

- Конечно...

Прежде чем он успел договорить, матриарх Чжао перебил его:

- Это дом семьи Чжао и земля семьи Чжао, кто позволит этой суке забрать ее? Почему ты хочешь быть таким наглым? Дом моей семьи Чжао принадлежит тебе? Конечно, он принадлежит моей семье Чжао. Что ты за существо такое? Ты даже не родил сына Даху, поэтому хочешь забрать дом и землю, чтобы субсидировать дикаря?

- Дикаря? - вспыхнул Тан Чунмин, - Не того ли дикаря, которого мне показывал матриарх? Разве вы не такой же, как я, забрали дом и землю семьи Чжао, чтобы сделать...

- Заткнитесь! - взревел третий старейшина Чжао, эти двое действительно возмутительны, разве эти слова можно говорить небрежно? Вам все еще нужна ваша репутация? Третий старейшина пристально посмотрел на беспокойного Тан Чунмина и крикнул матриарху Чжао, - Ту землю, что семья Чжао дала Даху при отделении, можно оставить как итог. После стольких лет сыновней почтительности со стороны Даху, разве этого не недостаточно?

- Третий старший дядя, деревенский староста, я просил об этом не без причины, - впечатление Тан Чунмина об этом третьем старейшине было не такое хорошее, как у деревенского старосты. Он видел, что третий старейшина думает только о семье Чжао и относится к нему как к постороннему. То, что он делает сейчас, просто напоказ, на самом деле он не планирует действительно вставать на его защиту, - После разделения не осталось ничего, кроме двух акров земли. Дом был построен на мое приданое. У меня все еще есть корешки билетов из ломбарда, так что этот дом - мое приданое, он не принадлежит семье Чжао. Что касается двух

акров земли, то они используются для поддержания Линь ге-эра и малыша у меня в животе, конечно, если матриарх не считает их семьей Чжао, он может сказать иначе.

Думая об этом сейчас, он страстно желал, чтобы матриарх Чжао вернул себе два акра земли. Тогда в будущем он сможет открыто проявлять к нему неуважение и не иметь ничего общего с семьей Чжао. В противном случае, разве они не будут манипулировать этими двумя акрами?

У матриарха Чжао от злости покраснели глаза, он потерял много денег и уже считал этот дом и поля своими, поэтому он не хотел снова смотреть, как они улетают из его кармана:

- Ребенок в твоём животе тоже лишняя трата денег. Все эти вещи принадлежат семье Чжао, если ты хочешь занять дом и землю, даже не думай об этом, только через мой труп!

- Мама, ты можешь говорить поменьше? - Чжао Пинчуань знал, что его мать не желает этого, но сегодня этому вопросу должен быть положен конец. Если он хочет восстановить свою репутацию за преследование зятя и племянника, он должен позволить Тан Чунмину делать то, что он хочет, чтобы у него все еще был шанс рассказать посторонним, что семья Чжао доброжелательна. Они должны позволить посторонним увидеть, что у них была инициатива отдать дом и землю, он больше не может позволить своей близорукой матери причинять вред его репутации.

- Глава деревни, третий старший дядя, несмотря ни на что, он все еще жена моего второго брата, а Линь-эр все еще мой племянник. Семья Чжао не будет относиться к ним плохо.

Ван Чуньхуа с горечью ущипнул ребенка, сидевшего рядом с ним. Маленький ге-эр Чжао Мэй вернулся с реки и спокойно стоял, наблюдая за взрослыми. Теперь его глаза были красными от боли, однако он не смел плакать или сопротивляться, иначе мать заставит его страдать еще больше.

Надо сказать, что Ван Чуньхуа и матриарх Чжао были действительно похожи с точки зрения их жадности и любви к деньгам. Счеты в сердце Ван Чуньхуа были разбиты, он-то давно считал большой дом Чжао Даху своим собственным. Теперь его сердце обливалось кровью, как у матриарха Чжао. Матриарх Чжао не сможет получить дом Чжао Даху, так что теперь и у него было меньше шансов получить дом. Выражение его лица было искажено страданием.

Тан Чунмину было все равно, что там кричит старый матриарх Чжао, как и притворная щедрость Чжао Пинчуаня. Он просто посмотрел на деревенского старосту, третьего старейшину Чжао и людей вокруг них. Старейшины деревни обсудили это, и третий старейшина встал и сказал:

- Поскольку ты занял землю Даху, ты будешь отвечать за сыновнее благочестие вместо Даху. Независимо от того, было ли то, что сделал старый матриарх, правильным или неправильным, было большим преступлением не проявлять сыновнее почтение по отношению к старику.

- Ба, кому нужно его сыновнее почтение? Я беспокоюсь, что однажды он отравит меня лекарством, - матриарх Чжао был так расстроен, что у него сердце обливалось кровью, но он также видел выражение глаз Чжао Пинчуаня. Сегодня он полностью возненавидел Тан Чунмина и хотел съесть его плоть и выпить его кровь.

- Верните два акра земли семье Чжао. Отныне Мин ге-эр и двое детей не будут иметь ничего общего с семьей Чжао. Матриарх Чжао больше не сможет использовать свой статус старшего для преследования Мин ге-эра, иначе я, как мать, не смогу чувствовать себя действительно комфортно, оставляя его в деревне Пиншань. Слава о характере матриарха Чжао распространилась на близлежащие деревни, и моя семья Тан не может позволить себе такую жизнь, - внезапно раздался незнакомый голос, удивив и Тан Чунмина и Тан Чуньжуна. Это заговорил Ван Ин, мачеха Тан Чунмина.

Люди, стоявшие перед Ван Инем, расступились. Многие из них либо никогда не видели, не слышали, либо не имели о нем никакого представления. Однако некоторые ге-эры, вышедшие замуж из деревни Чжэньшань, знали о нем. Впереди стояло много людей, а Ван Ин стоял позади. Никто его не заметил, и кто-то удивленно крикнул:

- Семья Тан? Мачеха Мин ге-эра?

Третий старший дядя замер, он изначально думал, что Мин ге-эра не поддерживает его семья, но он не ожидал, что эта мачеха действительно подаст ему руку помощи. Теперь он, как старший, больше не сможет подавлять Мин ге-эра. Забудьте об этом, он был готов полностью разделить их, как пожелал Тан Чунмин. Он не верил, что ге-эр сможет содержать семью. К тому времени, как Мин ге-эр полностью опозорится, это не повлияет на семью Чжао.

Ван Чуньхуа тоже отпрянул назад. По сравнению с Ван Инем его навыки были ничтожными. Величие Ван Ина было известно в деревне, и они оба происходили из семьи Ван.

Ван Ин пошел к Тан Чунмину и Тан Чуньжуну и встретился с главой деревни и несколькими патриархами. Тан Чунмин остроумно встал за спиной Ван Ина, выглядя послушным. Уголки рта Ван Ина дернулись. Этот пасынок раньше был верным и покорным, но теперь это видно другим, а внутри все уже изменилось. На самом деле, он действительно надеялся, что его пасынок сможет изменить свой темперамент до тех пор, пока он не будет способен содержать себя. Раньше он смотрел свысока на предыдущего пасынка и надеялся, что в будущем тот не будет тащить А-Жуна вниз.

Поэтому, чтобы помочь ему до конца, Ван Ин продолжил говорить после того, как закончил с деревенским вождем:

- Раньше я не хотел быть таким злым человеком, когда был жив Даху. Теперь, когда Даху нет, я не хочу цепляться за то, что ты делал раньше, но я помогу тебе как мать. Если деревня Пиншань действительно не может терпеть Мин ге-эра, я все еще могу поговорить с деревней Чжэньшань.

Если это случится, это станет огромной пощечиной. Когда станет известно, что они забрали дом и землю и выгнали Мин ге-эра из деревни Пиншань, у жителей деревни Пиншань действительно не хватит совести, чтобы взаимодействовать с людьми в других деревнях. Кто посмеет выдать своего ге-эра замуж в деревню Пиншань? Даже лицо третьего старейшины покраснело.

Несколько старейшин посмотрели друг другу в глаза, и все они почувствовали, что не стоит сейчас бросаться резкими словами, поэтому они дали знак, чтобы глава деревни как можно скорее разобрался с этим вопросом и действовал в соответствии с тем, что сказали Мин ге-эр и его мачеха. Глава деревни почувствовал, что задыхается, он изначально планировал отдать брату Мину два акра земли. Урожай с этих полей мог бы прокормить их, но третий старейшина не желал соглашаться, настаивая на сыновнем благочестии. Это было бы прекрасно, но в будущем двое детей не будут иметь ничего общего с семьей Чжао.

- Тогда, согласно пожеланиям семьи Чжао, брата Мина и семьи Тан, дом и пять акров горной земли принадлежат семье Тан Чунмина. Чжао Линь-эр и ребенок в животе брата Мина не будут иметь ничего общего с семьей Чжао. Семья Чжао не нуждается в сыновнем благочестии брата Мина и детей. В будущем, если брат Мин и дети столкнутся с трудностями, им не позволено обращаться в семью Чжао, даже если они не смогут выжить. Третий старейшина Чжао и семья Чжао, что вы думаете?

Изначально у матриарха Чжао все еще были мысли о пяти акрах горной земли, разве это не результат деятельности его сына Чжао Даху, теперь они принадлежат этой шлюхе. Но когда он услышал, что эта шлюха и его маленькие сучки не смогут обратиться в семью Чжао, даже если они будут умирать, он почувствовал облегчение. Хотя Ван Ин сейчас выступает от имени своего пасынка, по его мнению, он только боится, что пасынок вернется в семью Тан и будет объедать его, поэтому он выиграл для него дом и землю. Но если Тан Чунмин действительно собирается выжить, Ван Ин не уйдет. Неважно, он действительно хотел посмотреть, как эта сука опустится на колени и будет умолять его о еде. Сегодня он, так уж и быть, уступит.

Глава деревни - умный человек, и хотя эти слова звучали неприятно для других, когда дело дошло до матриарха Чжао, он похлопал себя по бедру и сказал:

- Хорошо, моя семья Чжао презирает его и не позволит ему съесть ни кусочка еды с нашего стола. Я лучше выброшу его или накормлю свиней и цыплят!

- Я также согласен с тем, что даже если мы умрем с голоду, мы не пойдем к семье Чжао. У моей семьи Тан все еще есть этот стержень, - сказал Тан Чунмин.

- Хорошо, все согласовано. Старейшина Чжао и матриарх Чжао, пойдете со мной, чтобы заполнить документы для создания независимой семьи брата Мина. Отныне брат Мин будет по-прежнему жить в деревне Пиншань, и никто не скажет, что мы выгнали замужнего ге-эра, - сурово сказал староста деревни.

Сморщенный мужчина вышел со двора Чжао и внутренне улыбнулся. Мужчины и женщины в

деревне Пиншань презрительно посмотрели на него. Такой человек действительно высокомерен. Его собственная мать создает проблемы снаружи, но он не вышел, чтобы помочь. Мог ли матриарх Чжао положиться на такого человека, который сидит дома и ничего не делает? Чжао Даху больше нет рядом, и только третьему сыну Чжао можно доверять. Никто не знает, каким будет старший сын Чжао в будущем.

<http://bllate.org/book/13611/1207201>